

ОЛИМПИЙСКОЕ «КИДАЛОВО»

*Перевод с английского – Оксана Якименко
по изданию: Iain Sinclair© The Olympics Scam (LRB, 19.06.09).*

*For presentational & educational purposes only
(серия letterra.org: 023)*

По утрам ощущается настойчивый запах перезревших плодов: люди говорят, его приносит из пригородов – народная память о том, чем когда-то были километры стриженных зеленых газонов. Огородный перегон. Кучи навоза. Вдалеке грохочут колонны грузовиков. Строительные краны танцуют свои изящные журавлиные танцы. Стайки велосипедистов жмутся друг к другу, лавируя точно увертливые ласточки. Каски и желтые спецжилеты мелькают то тут, то там на стропилах укрытых за лесами башен, стальными ребрами воздвигаемых стадионов. Те, кто привык вставать рано, вступают в неспешные разговоры, пользуясь правом первых посетителей парка. Солнечное пятно выжигает пыль от загрязнений, висящую над предолимпийским Лондоном. Пломбирные поцелуи цветков миндаля, белые и розовые россыпи свадебно-торжественной вишни. Желтые шарики керрии японской – точно помпоны у девушек из группы поддержки. В углу, у подножья высокой стены, которая выдает прежнее назначение этого общественного парка (раньше здесь была генераторная станция), бывшие рабочие торжественно и неторопливо покачиваются, выполняя движения гимнастики тай чи.

Я зачарованно наблюдаю за пожилой китайской парой – каждое утро они больше часа кружат по периметру ограды только что настланного и слишком уж зеленого покрытия спортивного комплекса, выстроенного в преддверии Великого События. Проявление неслыханной щедрости, компенсация для тех, кто вынужден годами терпеть звуки сверл, тучи пыли, демонтаж школ и театров, выселение из функционирующих, но неудачно расположенных микрорайонов. Собранное словно бы за одну ночь белое блочное строение могло быть спроектировано где угодно и для чего угодно; ослепительную белизну дополняет темно-синий внутренний декор: мы должны научиться ассоциировать этот пафосный и оптимистичный цвет с посылом

предстоящих Игр – идеей культурного единения. Китайка перемещается слева от забора по часовой стрелке; ее муж неспешно шагает в противоположном направлении. При встрече они не кивают и даже не улыбаются друг другу. У меня создается впечатление, что муж относится ко всей этой истории с меньшим энтузиазмом. На нем монашеского вида свитер с капюшоном. Мужчина похож на человека, который раньше выкуривал по три пачки в день, а теперь вынужден бросить, получив нерадостные новости. Затягиваясь последней «раковой палочкой», он награждает себя за часовую епитимью. Женщина в кепке не знает жалости, она размахивает руками и набирает очки с каждым кругом. «Настала и для них пора поднять голову», – сказал Мао¹. «Власть мужа расшатывается с каждым днем». Вперив глаза в горизонт, она наматывает километры на добровольно устроенном для себя тренажере: спортсменка и товарищ силой воли приводит в движение мотор города.

Перед нами восточный Лондон за четыре года до начала семнадцатидневной корпоративной феерии, «главная стратегическая цель», ради которой мы все так глубоко погрязли в кредитах. Хэггерстон парк в секторе E2 Ист-энда, небольшое пространство на месте разрушенных во время войны домов и демонтированных корпусов Имперской газоосветительной компании давно превратилось в оазис. В 1958 году здесь был разбит общественный парк. Скандалы Хэггерстона – старые скандалы, они не имеют отношения к нынешнему ажиотажу по поводу реконструкций, дорожки, посыпанные щебнем, сооружения полос препятствий для тренировочных маршрутов, ламинированных табличек при объектах культурного наследия. Для вытоптанных футбольных полей ткуются шикарные новые покрытия, вместо душевых блоков, которые в стародавние времена открывала еще актриса Уэнди Ричард из сериала «Жители Ист-Энда», возводятся раздевалки. В 1820 году Газовая компания злоупотребила своими фондами, произведя незаконные выплаты местным чиновникам и подделав счета по ценным бумагам. Сегодня, во времена более просвещенные, когда бюрократические нарушения совершают открыто и прославляют чуть ли не каждый день, пасторальные городские резервации, укрытые за высокими стенами, получают награды за футуристические проекты зеленых насаждений и восстановленные клумбы. Не замеченные никем

---

¹ Мао Цзе-Дун. «Доклад об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань» (март 1927 года), Избранные произведения, т. I. – Здесь и далее прим. пер.

бомжи в тонких спальнях мешках оккупируют каменную террасу кафе в парке – оно уже много лет как закрылось. Любители поспать – вставать рано им все равно не зачем – прячутся в свои унылые коконы, набитые ватой, в то время как собачьи компании занимаются метанием мокрых желто-зеленых теннисных мячиков при помощи баллистических установок, а ловкие питомцы находят эти мячики и приносят обратно. Стоическая китайская пара завершает свой вариант Великого похода, оставляя следы резиновых подошв по периметру недоступных в своей новизне девственных футбольных полей. Искусственная трава прочнее и лучше настоящей – каждая травинка покрашена по отдельности. Промышленный хлорофилл сверкает, будто вечная роса: вечная мерзлота показных инвестиций. Не все, кто спит здесь под открытым небом, сознательные изгои, жертвы борьбы за собственность, или ветераны, страдающие от полученных на войне травм: попадают и строители, вероятно, поляки – они экономят зарплату и предпочитают спать поближе к месту действия. Гигантская волна спекулятивного капитала, бессмысленные разрушения, ямы и котлованы; кварталы взлетают на воздух, бесконечные общежития, переоборудование складов по берегам мутных каналов. Новый квартал под названием «Набережная Аделаиды»ⁱⁱ, больше похожий на авианосец, врезавшийся в дровяной склад, сменил бывший на этом месте долгие годы склад-холодильник. «147 квартир (по цене до 395 тысяч фунтов). Этот жилой комплекс – прекрасный пример того, как мечты воплощаются в реальность,» – заявляет Сивен Оукс, региональный директор компании «Инглиш партнершипс». Дюйм за дюймом рабочий канал между Лаймхаусом и туннелем Ислингтон превращается в стеклянную лестницу, связывающую район Докландс с северными богатствами Сити. Ходят слухи, что футболисты, у которых много свободной наличности, скупают целые здания в качестве инвестиционных портфелей; большинство этих безвкусных коробок с низкими потолками и тесными балкончиками так и останутся пустовать как выставочные образцы. Зрелище вполне беззаботное: упаковочные коробки из Икеи, наверхенные из пластиковых карт и зубочисток. Везде, где только слышны отголоски Олимпийского парка, расположенного в низине реки Ли, городской ландшафт изуродован в лихорадочном стремлении не опоздать к началу – подобного в

ii См.: http://www.bdonline.co.uk/Pictures/web/g/y/y/AHMM_Adelaide_Wharf5_ready.jpg или <http://www.fgould.com/media/managed/medium/adelaide-wharf01.jpg>.

Лондоне не видел со времен строительства железной дороги. Во имя достижения главной стратегической цели, выстрела из стартового пистолета, отменяются всякие приличия и человеческие привязанности.

Вся эта муравьиная возня, иррациональное невротическое стремление все на свете огородить находит оправдание во временных заборах – их используют как маскировочные экраны, доски объявлений, где спонсоры могут расхвалить себя, показать радостное, сгенерированное на компьютере будущее. На улице Лабёрнум строительная фирма под названием «Мейс плюс» встраивает здание школы «Бридж экэдими»ⁱ – космическую платформу в духе фильма «Близкие контакты третьей степени» (конструкция из спичек, пузырчатой пленки и блоков прессованной терракоты), на заборе вокруг стройки – выставка разрешенного уличного искусства: потоки воды сносят минарет толщиной с карандаш и заброшенный бассейн Хэггерстон – поперверсия Хокусая. Неглупый ход: кричаще яркие, но в тему картинки превосхищают действия диверсантов с баллончиками краски, классовых борцов, защитников прав животных и раздражителей Бэнкси, мечтающих об упоминании в воскресном журнале. Уже никто не обязывает использовать ограду пустынной бензоколонки в качестве площадки для демонстрации работ, которые потом могут взять в галерею Хокстон. Как я сказал мрачно настроенному художнику-реалисту, владельцу мастерской рядом с арочными железнодорожными мостами в районе Лондон филдз: «Хочущий крокодил намалеванный у тебя на ставнях стоит больше, чем все твое барахло, накопленное за тридцать лет». Джек МакФайден показывает свои находки в автосалоне на Кембридж Нит роуд; он пристрастился делать живописные копии граффити, обнаруженных на стенах по берегам каналов и на забытых автомобильных свалках, что тянутся по нарушенному периметру Олимпийского парка.

Когда она началась, эта интимная связь между застройщиками и правительством? Когда они решили перестроить Лондон ради взаимной выгоды? Доктор Франкенштейн с программой Google Earth и лазерным скальпелем с дистанционным управлением. В начале семидесятых, когда контейнеры, монополизация рынка, малодушно-гневные демонстрации под лозунгом «Енок прав»ⁱⁱ и жернова времени, способные превратить в пыль любой

i См.: <http://www.betterpublicbuilding.org.uk/finalists/2009/bridge-academy/2009-bridge-academy-530.jpg>, <http://www.flickr.com/photos/41845311@N06/4517640241/>

ii Имеется в виду Енок Пауэлл (1912-1998) – консервативный британский

миф лейбористов, уже разрушили глубокие доки, Максвелл Джозеф приобрел Пивоварню Трумана на Брик лэйн. Пивоварня — со всеми ее конюшнями, подвалами, бондарнями, мощеными дворами — защищала эту часть города от вторжения Сити. Наряду с пивоварней барьером служили рынок Спиталфилдз и церковь Христа, построенная по проекту Николааса Хоксмора. Щедрый и заботливый предприниматель растерялся среди этих пьянящих потоков хмеля и заросших соседских садов. Джозеф загнал по сходной цене портрет пивовара сэра Бенджамина Трумана кисти Гейнсборо, вывел активы из компании и скупил местность вокруг с прицелом на будущие пакеты предложений по развитию территории и грядущий мир ретромоты, морокканских интернет-кафе и выставок пластинированных трупов Гюнтера фон Хагенса. Но тут начался сдвиг в сторону мало-своенных территорий, не обозначенных в каталоге. Рынок Спиталфилдз, с его паразитическими формами жизни (владельцы ресторанов, небольших магазинчиков, садоводы-огородники, сумеречные проститутки, бездомные пьяницы, греющиеся вокруг костров на пустырях), выселили в район Хэгни Маршез, где он бы и функционировал себе спокойно до тех пор, пока футбольные поля, равно как и новая площадка не понадобились для «зеленых игр» 2012 года в качестве парковки. Джонни Уокер, президент воскресной лиги Хэгни и Лейтона был в ярости: несмотря на заверения от огромного количества безликих чиновников в том, что в течение ближайших четырех лет никакие работы не начнутся, рабочие появились до начала сезона 2007 года и начали копать. Пропали даже те площадки, которые энтузиасты вытоптали сами, ругаясь последними словами. Энн Вуллет, представитель Ассоциации пользователей Хэгни Маршез, пожаловалась, что Дирекция олимпийского строительства (ODA) наложила секвестр на участки в Ист Марш годом раньше обещанного, чтобы соорудить «гигантское двенадцатиполосное шоссе». Дирекция признала, что два рва действительно прокопали в «археологических» целях, кости животных и банки из-под пива сфотографировали и сохранили; по-видимому, вместе с руинами домов, разрушенных снарядами во время Второй мировой, — на них и были разбиты футбольные поля. «Историческое наследие надо защищать».

Наследие — хитрая штука. Много из этого наследия можно восстановить по старым фильмам, их сейчас перевыпускают

политик, член парламента, знаменит своей речью «Реки крови» (1968) против иммиграции из стран Содружества; за эту речь Пауэлл лишился поста в теновом кабинете.

на DVD. На кадрах из фильма 1947 года «Выбывший из игры» (Odd Man Out) режиссера Кэрола Рида высокая труба пивоварни на Брик лейн, важная архитектурная доминанта, похожа на перст, указующий на виновных в ее разрушении. Район Бетнал Грин выдает себя за Белфаст, увиденный глазами экспрессиониста. Джеймс Мейсон играет в этом фильме боевика Ирландской армии в бегах. Спустя двадцать лет, когда карьера Мейсона в Голливуде пошла на спад, он еще раз вернулся в прокуренные пабы, темные уголки и богадельни Ист Энда, чтобы выступить в роли рассказчика в документальной версии книги Джеффри Флетчера «Лондон, который никто не знает». Закрыв зонтик и заглядывая гласные, актер бродит, точно лунатик по одряхлевшему городу, пытаясь завязать разговор с одичавшими бродягами и свидетелями прошлого, чьи глаза горят от возбуждения. Павильоны студии «Гейнсборо», где Мейсон когда-то прославился, размахивая хлыстом в вульгарных костюмных кинодрамах, превратились теперь в жилой комплекс «Гейнсборо студиоз» на берегу канала Риджент со ступенчатыми фонтанами и гигантской головой Альфреда Хичкока¹, сваренной из листов железа. Неуклюжее использование исторического наследия отчетливо демонстрирует: место уже не имеет значения. История принадлежит им, а не тебе. Когда Мейсон изображает смерть байронического террориста и пошатываясь бредет по снегу к полицейским машинам, сжимая затвор, он идет по парку Хаггерстон, квадрат E2 на карте. Еще один фильм, вышедший в 1979 году – «Длинная страстная пятница» (The Long Good Friday), настолько адекватно показал технологию захвата земли, что оказался пророческим. Джон МакКензи – умелый режиссер, но вся соль фильма – в сценарии Барри Киффа, в том, как он тонко чувствует измученную землю, которая вот-вот подвергнется вторжению, разорению и переделке. Как нам ясно показывает детективная притча МакКензи, о наступлении эпохи Маргарет Тэтчер возвестили сомнительные сделки, установление взаимовыгодных отношений между коррумпированными представителями местной власти («Вопрос с новым казино решен»), откаты ирландским республиканцам, проворачивающим свои мошеннические операции в процветающем строительном секторе, подкупленные полицейские и гангстеры старой закалки, вроде братьев Крей, с их попытками наладить контакты с нью-йоркской

---

¹ Жилой комплекс «Гейнсборо студиоз» – www.maxfordham.com/projects-item.php?id=41&cat=10 . Голова Хичкока – <http://www.estatesgazette.com/blogs/london-residential-research/giant%20head.JPG> .

мафией и адвокатами — специалистами по налогам на недвижимость и игорный бизнес. Многие из показанного в фильме носило документальный характер: так оно было в прошлом и могло произойти в будущем, чему мы и являемся свидетелями. Согласно устойчивому городскому мифу, банда, ограбившая хранилище Бринкс Мэт в аэропорту Хитроу 26 ноября 1983 года, в четыре раза увеличила стоимость своей добычи (похищенные золотые слитки были оценены в 26 миллионов фунтов стерлингов), благодаря инвестициям в обновление прибрежных территорий. Лихой капитализм пробил дорогу осторожным менеджерам частных инвестиционных фондов и мелким арендаторам из Сити. Знаковый образ этой эпохи — Боб Хоскинс (в фильме), со своей роскошной яхтой, стоящей на причале в доках св. Катарины, Маргарет Тэтчер, обхаживает братьев Рейхманн, чтобы те вложились в проект Кэнари Уорфⁱⁱ — макет будущей гавани, город, застроенный башнями. Лилипутский парк с аттракционами, порождение невообразимого богатства. Наивное предвкушение компьютерных презентаций мира олимпийских чудес. «Город на воде», новая Венеция (без вековых наслоений) поднимется из вони и грязи запруженных рек и затянутых ряской каналов. «Корпорация» Киффа, союз преступников — прямое воплощение альянсов в современной политике. Хоскинс, надутый Муссолини из Дальстона, представляется как «деловой человек с чувством истории» и занимается разглагольствованиями в шикарном баре олигарха под мостом Тауэр. Добавить лет тридцать — и он вполне мог бы делать сейчас финальные заявления в качестве кандидата на выборах в мэры Лондона как раз напротив, на другом берегу Темзы, со щербатых уступов здания городской ратуши. Которая расположена не в городе и совсем не похожа на ратушу, скорее на архитектурные каракули, продиктованные извращенным потугами перенести Манхэттен в район Бермондси. «Миля за милей, акр за акром — вот что обеспечит наше будущее благосостояние,» — распаляется Боб. «Важно, чтобы новым Лондоном управляли правильные люди».

Олимпиада всегда была аферой из афер: от берлинской 1936 года до пекинской 2008-го. Мотор обновления. Оргии слезливого национализма. Война другими средствами. Атлеты-воины, за которыми следят из-за темных очков мужчины в костюмах и мундирах. Передний край фармацевтической про-

---

ii В 1987 году Братья Рейхманн инвестировали в Кэнари Уорф (Canary Wharf) 6,5 миллиардов долларов, однако в ходе рецессии девяностых проект был объявлен банкротом.

мышленности. Бессовестные калифорнийские химики выставляют своих сногшибательных жилистых, полуголых роботов против бесполох уродов из государственных лабораторий. Бородатые женщины – девочки-подростки, у которых никогда не бывает месячных. У тех, кто опозорился, попался на допинге, отбирают медали, чтобы передать их другим, кого на этот раз не уличили. Провал Купола тысячелетия оказался малобюджетной репетицией. Олимпиада под девизом «спорт сильнее политики» – священный грааль для прожекторов; золотые наручники из пяти колец, дымовая завеса, за ней можно заключать сделки на строительство торговых центров и казино с корпоративными спонсорами, ура-патриотическими воплями и бюджетами, которые можно растягивать бесконечно (любая попытка возразить рассматривается как государственная измена).

В «Долгой страстной пятнице» есть красивый панорамный кадр: пустынные причалы будущего района Доклендс. Дейв Кинг, телевизионный актер-комик, в роли купленного следователя отчитывает героя Хоскинса. Перед церковью, построенной по проекту Хоксмора, взорвали автомобиль. «Гарольд, нельзя взрывать бомбы. Трупов быть не должно». Но, увы, такова плата за то, чтобы попасть в каталог. Стихийные народные празднества, танцы, объятия, панибратское похлопывание друг друга по плечу в телестудиях, а потом – личное горе, взрывы в метро. Увечья, массовые убийства. Суэта персонажей в блестящих костюмах и «правильных» спортсменов, скачущих верх-вниз, пока тяжеловесы занимаются выкручиванием рук, резкие выступления знаменитостей, Тони Блэр и Дэвид Бэхем целуют объективы камер: 6 июля 2005 года мы заполучили Олимпиаду. На следующее утроⁱ – Лондон в травматическом шоке, количество жертв растет, на нерезких снимках, сделанных мобильными телефонами, те, кто остался в живых спотыкаясь пробираются по задымленным туннелям. Постоянно крутят кадры, заснятые камерами наблюдения: озлобленные юноши с рюкзаками на станции Метролэнд. Путешествие после смерти, все уже давно случилось, телешоу силами наружного наблюдения: автострада, парковка, поезд. Олимпийский проект с самого начала связан с вопросами безопасности. Вводится режим вражеской агрессии. Зеленые зоны окружены и патрулируются вертолетами.

«Так это здесь собирались построить олимпийский стадион в 1988 году, – удивляется герой Дейва Кинга. – Можете пред-

---

ⁱ 7 июля 2005 г. террористы-смертники произвели серию взрывов в лондонском метро.

ставить, как черномазые будут прыгать в длину на этих набережных?» Очень даже можем. Мы видели фильм Лени Рифеншталь «Олимпия» – величественное воспоминание об Играх 1936 года в духе телесного фашизма, триумф Джесси Оуэнсаⁱⁱ, мрачный Гитлер, выкинутые в нацистском приветствии руки членов австрийской, итальянской и французской делегаций. В кадре путь олимпийского огня дан пунктиром по карте Европы: от Олимпии до Берлина. Очень похоже на репетицию вторжения. Когда глава Совета большого Лондона, консерватор Горас Катлер в 1979 году внес рискованное предложение провести Олимпиаду 1988 года в районе дока Виктория в Силвертауне, совсем рядом с Боу-крик – выходом к нижнему течению реки Ли, Кен Ливингстон, будущий преемник Катлера, поднял его на смех. «Очередная уловка». Фантазии правых, страдающих манией величия. К 2008 году, в ходе подготовки к выборам мэра, Ливингстон откровенно и не без гордости признался в том, что симулировал энтузиазм в отношении Игр 2012 года с целью создать фонды для модернизации объектов в восточном Лондоне и устье Темзы, засадив склоны мусорных гор и берега отравленных рек своими любимыми лесами из бетонных опор. Заниженные издержки, рассчитанные второпях на обороте конверта были всего лишь приманкой для получения правительственной поддержки. По мере исследования ущерба, нанесенного местности, изначальная сумма в полтора миллиарда, полученная от продажи лотерейных билетов и «поизаимствованная» из бюджета показушных проектов Совета по искусствам, начала расти и быстро достигла десяти миллиардов (и это еще не предел).ⁱⁱⁱ Борьба с горцем японским^{iv}, радиоактивные циферблаты, тритоны под угрозой исчезновения^v: сто тысяч фунтов сюда, миллион – туда. Долги растут с космической скоростью и без тормозов: главное – выполнить стратегическую задачу. Заказчики потребовали выкуп. «Так все и было запланировано, – сообщил Ливингстон собравшимся в церкви Сент Мартин-ин-де Филдз. – Все прошло идеально».

ii Джесси Оуэнс (1913-1980) – американский легкоатлет, четырехкратный олимпийский чемпион; после победы на Играх в Берлине 1936 г. Гитлер отказался поздравить чернокожего спортсмена.

iii Доходы от национальной лотереи – один из источников финансирования Совета по искусствам (Arts Council).

iv Горец японский (*Fallopia japonica*) был завезен в Великобританию как декоративное растение, но, за неимением естественных врагов, превратился в инвазивный вид. На истребление этого растения с мощными корнями, способными взламывать бетонное покрытие, тратятся миллиарды фунтов стерлингов.

v Бывший мэр Лондона, Кен Ливингстон, помимо всего прочего, увлекается разведением тритонов.

В пригородах, пострадавших от истерии 2012, предпринимателей вынуждали сворачивать бизнес, цыган выселяли из окраинных поселений, арендаторов выгоняли с насиженных мест. Люди начали протестовать, проводить встречи и консультации. Как только была огорожена территория Олимпийского парка и, следовательно, определен размер убытков, забор вокруг стройки превратился в символ сопротивления и главную тему семинаров — таких как семинар Союза проектировщиков Великобритании (PNUK), местом проведения которого стал боксерский клуб в старой ратуше пригорода Лаймхаус. Я посетил эти общественные слушания, где юридический консультант по району Хэрни, Билл Пэрри-Дэвис спокойно и безжалостно поведал, как после серии таинственных пожаров Далстон лейн лишилась театра викторианской постройки и части домов, построенных в георгианскую эпоху — их исчезновение высвободило территорию для новой транспортной развязки, которая будет обслуживать основные магистрали к югу от Сити и востоку от Олимпийского парка. По словам Пэрри-Дэвиса, в двух домах по Далстон лейн жили сквоттеры. С черного хода к ним пришли какие-то ребята и сказали: «Убирайтесь по добру-по здорову. Прямо сейчас». Через два дня дома сгорели. Энергию Олимпиады не остановить. «Властям нужна больша новая станция на месте театра, гигантская бетонная плита над железнодорожной ямой. Эта плита стоит 39 миллионов фунтов. Как ее окупить? Дать разрешение на строительство точечного двадцатиэтажного дома. Наряду с разрешением на строительство, администрация района Хэрни предоставит застройщикам половину стоимости участка. Приходится строить вверх, чтобы занять территорию поменьше. Большая часть застройки предназначена для приобретения с целью последующей сдачи в аренд, офшорные финансовые структуры. Бешеные русские деньги. Жильцы будут постоянно меняться. Никакого местного сообщества».

Противники грандиозной стройки, пустынного Города иллюзий с границами, обозначенными ярко-голубой фанерной лентой, — люди, объединенные потерей. Со всех сторон слышен шепот: люди обмениваются информацией, они запутались или уже чувствуют, что сходят с ума. На биржах Лондона, стриженных полях для гольфа все было известно еще до того, как было объявлено о решении: наша заявка на проведение Олимпиады оказалась удачной. Для заключения сделки было достаточно одного намека, предприниматели продавали помещения в зда-

ниях Страдфорда, для которых еще котлованы выкопаны не были. Фотографы теперь пробирались за забор, точно диверсанты на вражескую территорию. Народ совершал заплывы на каяках. Среди заваленного мусором тростника зимородки стали замечать синие пятна. Энтузиасты снимали фильмы и раздавали их на дисках. Картина Хилари Пауэлл «Игры» (The Games) – пародия на напыщенный эпос Лени Рифеншталь: развлечения на помойке, спортивные состязания на фоне трущоб, автомобильные диски вместо снарядов для метания. «Паучья тропа» (Trail of the Spider) Ани Киршнер и Дэвида Пэноса была заявлена как situationist европейский вестерн, снятый в Хэгни Маршез, где, по мнению авторов, захват земель в стиле Старого Запада «соединяется с историей». На исчезающих приграничных территориях, кишках расчетливыми наблюдателями, коррумпированными юристами и наемными громилами, разворачиваются ганге войны. На встрече в Лаймхаусе были озвучены самые невероятные варианты теории заговора: католики, злые волшебники мирового капитала, исламские заговорщики. Похоже было на путешествие в прошлое – в параноидальную атмосферу Лондона времен королевы Елизаветы, только без дыбы и сжигания на кострах. Увы, жители Лаймхауса так ни к чему и не пришли; район погрузился в оцепенение, в состояние мутного, предшокового бездействия. Чуть ниже по Коммершал роуд, в нескольких ярдах к западу от ратуши расположилось еще одно учреждение с выбитыми окнами, еще более печальная картина угасания – бывшая библиотека им. Пассмора Эдвардса. Напротив библиотеки виднелся черный ящик, похожий на поставленный вертикально дешевый гроб, сделанный из обрезков фанеры для олимпийского забора. На ящике краской из баллончика было написано «Сдесь был Эттли». Внутри расположился памятник бывшего мэра городка Степни, члена парламента от округа Лаймхаус, послевоенного премьер-министра от социалистической партии, Клемента Эттли. Судя по всему, его подвергли принудительной модернизации, а к переносу на какое-нибудь кладбище политических памятников, как Ленин или Сталин, он был не готов. Возможно, его огородили от слишком эгоистичных башен на Кэнери Уорф, отдавая дань мечте о государстве всеобщего благосостояния. И чтобы не видел закрытых на замок ворот еще одного шедевра Хоксмора – церкви святой Анны. Дело тут не только в том, что двери церкви уже много лет закрыты; нам запрещен доступ ко всему – к территории, к

скамейкам, к дорожкам, посыпанным гравием, к надгробиям. Все точки доступа перекрыты. Можно прижаться лицом к решетке, как Джеймс ейсон в парке Хэггерстон, или Джон Роуксмит в романе Диккенса «Наш общий друг», когда он подошел к тем же самым «величественным железным воротам» и увидел себя «духом, который прежде был человеком». Белая пирамида, которую Хэблот Браун изобразил на своей гравюре с церковным двориком, теперь вне доступа. Автор скандальных романов о «желтой угрозе» Сэкс Ромер проявлял к этой пирамиде особый интерес. Гений преступного мира, автор дьявольских заговоров Фу Манчуⁱ был хорошо знаком с кварталами по берегам лондонских каналов и обширной сетью подземных коммуникаций. За одной из плит пирамиды открывался вход в систему подземных туннелей. Легендарный китайский Лаймхаус Томаса Беркаⁱⁱ и Сэкса Ромера, район опиумных курилен, описанных Оскаром Уайльдом, давно ушел в прошлое. В том же направлении исчез и китайский ресторан «Добрые друзья» на Салмон лейн, куда голодные посетители съезжались со всего Лондона – теперь здесь магазин стройматериалов. Дух Фу Манчу с его безжалостными убийцами и телохранителями – мастерами боевых искусств никуда не делся: он сопровождал олимпийский огонь на пути следования от стадиона Уэмбли (в день торжественной процессии там было безопасно и пусто), до Купола Тысячелетия (где жалкие язычки пламени должны были запалить алтарь для жарки гамбургеров). Оба объекта – прекрасные примеры запоротых грандиозных проектов, при строительстве которых не были учтены реальные расходы.

«В своей любви к тайнам они заходят слишком далеко,» писал Томас Берк о китайцах из района Пеннифилдс в книге «Ночи в городе», вышедшей в 1915 году. Герой повествования – газетный фотограф, который собирается запечатлеть этот таинственный мир. «Он подошел к входу на насыпь Лаймхауз, где в привычном серо-розовом свете скользили очаровательные создания, и навел свой новенький кодак – получилась идеальная картинка дамбы после землетресения. На фотопластине улица была совершенно пустынной». Очередное исчезновение полондонски; журналисту стоило бы узнать то, что давно известно обитателям окраин: если фотографировать разрешено, то смо-

i Фу Манчу (Fu Manchu) – персонаж серии романов Сэкса Ромера, герой комиксов, теле и радио постановок, преступник со степенью доктора философии и медицины, изобретательный убийца и заговорщик (Sax Rohmer, 1883– 1959)

ii Thomas Burke (1886-1945) – автор сборника рассказов «Ночи Лаймхауза» об обитателях бедного китайского квартала.

треть уже не на что.

В день демонтажа синего забора – «олимпийский парк, проезжая часть закрыта с понедельника 2 июля, пешеходный проход закрыт, машины не ставить» – я познакомился с человеком по имени Кит Фостер, одним из кентавров с болот: на велосипеде у него был закреплен корпус фотоаппарата. По словам Фореста, в качестве «постоянного фотографа» района Уолтхэм Форест он уже более тридцати лет тщательно фиксирует жизнь в долине реки Ли, изменения в землепользовании, речные моторные лодки, дикую природу. Но сегодня частные охранники пригрозили ему арестом за то, что он навел свой фотоаппарат на забор – злоумышленник, который ночами тайком нарезает круги по велосипедной дорожке Гринуэйⁱⁱⁱ, пробирается через Стратфорд, оставляет знаки на заброшенных объектах по Клейз лейн, предназначенных под снос. Печальный опыт Фостера оказался далеко не уникальным. Еще один заядлый велосипедист, завсегдатай бухточек и рош, Стивен Гилл^{iv} смущенно продемонстрировал две изящных и тонких элегии об уходящей природе: серии коллажей, посвященные многоязыкой ярмарке «с колес», которая проводится на бывшем стадионе Хэрни Уик (собачьи бега, гоночный трек) и Олимпийскому парку на момент, когда еще не был готов первый концептуальный слайд стадиона. «Раньше я часто бродил по Уику, совершенно один, исследовал местность, фотографировал, – рассказывает Стивен. – Теперь повсюду толпы людей в желтых куртках, сапогах и касках. «Извини, приятель, тебе сюда нельзя». Вдруг появились места, где запрещено гулять просто так. «Здоровье и безопасность. Мы вас сюда пустить не можем, у вас страховки нет». Вечно одни и те же отговорки: здоровье и безопасность». На Уотерден Роуд, где невообразимая смесь из складов экзотических продуктов (сгорели), евангелических африканских церквей, ночных клубов, автобусных депо^v – воплощение самой сути городских окраин – только что была в полной безопасности за синим забором, а теперь превратилась в месиво из желтой грязи, Гилл сфотографировал королеву. «Я стоял на обочине. Никто не знал, что

iii Специальная велосипедная дорога по берегам каналов в восточном Лондоне от Уик лейн до Королевских доков, на данный момент, из-за олимпийской стройки закрыта для движения та ее часть, которая пролегает в районе Стратфорда. См. фото:http://upload.wikimedia.org/wikipedia/en/c/c0/The_Greenway_East_London.jpg.

iv Сайт фотографа: <http://photo-muse.blogspot.com/2007/08/stephen-gills-hackney.html>

v В ноябре 2007 года старые автобусные депо на Уотерден роуд сгорели – городские власти отрицают факт умышленного поджога, хотя этот пожар и расчистил территорию для строительства олимпийского парка.

она приедет. В небе была куча вертолетов. Я помахал ей. Она помахала в ответ. Я сделал пару снимков. Полицейский сказал: «Достаточно». Большая ашина проехала через все заграждения вдоль по Уотерден роуд, мимо арендуемых участков, мимо цыганского табора, с мотоциклистами вертолетами обратно к шоссе. Королева была явно рада, что ей удалось выбраться целой и невредимой». У Гилла есть еще один удачный снимок: лорд Коу и Дэвид Кэмерон¹ в темных костюмах с бледно-голубыми галстуками в тон будущего забора, руки в карманах – завоеватели решили пройтись по руинам захваченной столицы. В этот момент я понял: для Гордона Брауна игра проиграна; он не прогуливается руки в карманы. Он не заезжает в Хэрни Уик, он высаживается в Вашингтоне, как когда то (Дэвид) Ливингстон пускался в опасное путешествие в сердце Африки.

Гилла арестовали, когда он упорно снимал колонны грузовиков, чьи колеса месят грязь новых дорог. Как раз вовремя. Телефонные звонки с целью установить его связи и намерения. Колеса с красными заглушками диаметром больше, чем ребенок в полный рост. Контракт у них еще тот – между дорожными монстрами, хлынувшими на восток, ревущим заводом, бетономешалками, контейнерами с голубой краской и велосипедистами. Сколько уже было случаев со смертельным исходом – адские водители против тикающих часов и безобидных или нетерпеливых велосипедистов. Порой, как на пересечении Миддлтон роуд и Кингслэнд роуд в Хэрни, молодого человека затягивает под эти колеса с красными заглушками, а водитель даже ничего не чувствует. Работая над очередным проектом, Гилл оказался на углу Уинстон роуд, рядом с больницей святого Леонарда, где в сетку забора были вплетены букеты цветов в целофановых обертках. Там он встретил группу – человек двенадцать, они вешали на забор открытки и мелкие предметы в память о юноше семнадцати лет, которого в одну секунду сбил в левом повороте гигантский грузовик, не заметив, что кто-то оказался под колесами. «Они рыдали, – рассказывает Гилл. – Именно рыдали».

6 апреля 2008 года, в воскресенье, я отправился в Стратфорд по открытому для прохода куску маршрута Гринуей – обновленному участку Северного выпускного коллектора. Нам обещали зрелище, кусочек будущей олимпиады, вид на лондонский этап эстафеты олимпийского огня. Через Уик лейн, проходящую

---

¹ Лорд Себастьян Коу – глава Олимпийского комитета, в прошлом – четырехкратный олимпийский чемпион (легкая атлетика); Дэвид Кэмерон – лидер консервативной партии.

под шоссе А102 по направлению к туннелю Блэкуолл, можно подняться на пешеходную дорожку: три перехода, цветочные гирлянды примотаны к барьеру, ограждающему спектральный контур загончика для велосипедов. Вот он, пейзаж будущего, линия тектонического разлома, где виртуальное сливается с реальным: бетонные коробки времен Второй мировой, нервная чересполосица достроенных и недостроенных многоквартирных домов, заброшенные коптильни для рыбы, домик зрителя шлюза переделан в телестанцию, опоры линии электропередач разобрали на части, а кабель проложили в земле, туристические лодки демонстрируют потенциальный город на воде, клочок дикого леса по-быстрому окультурили, пляж покрыт банками пива Фостер – все в той же голубой гамме (одиноким любителем попить пива на скамейке в течение десяти лет швыряет за спину по банке в день) и шикарный забор, чтобы замаскировать грязь и пыль, пришедшие на смену кафе, работавшему на свалке («у нас тут все без церемоний») и горы сплюснутых автомобилей, пирамиды из старых шин. Пыль, которой пахнет в парке Виктория, – видимая глазу пелена над пустыней из самой дорогой в Европе грязи. Голубой цвет заборов изящно перекликается с ошметками целлофана – голубыми пакетами из магазина на заправке, зацепившимися за колючую проволоку.

За самим забором открывается разрешенный к обозрению пейзаж с непрекращающимися колоннами грузовиков, коническими насыпями из переработанной земли, по цвету все приближается к голубовато-серым оттенкам мяса, долго пробывшего в воде. К тонким столбикам прикручены белые коробки, но это не камеры наблюдения; нас тут и так видно со всех точек, наружка уже не нужна. В коробках – датчики качества воздуха, их выпускает компания «Тернки инструментс лимитед» на автобусном заводе города Норич. Современный аналог волнистых попугайчиков, которых раньше брали в угольные шахты, чтобы предупреждать о наличии токсичных газов – при их наличии птицы резко теряли сознания. Если белые коробочки начнут гудеть, значит, уже слишком поздно. Но новые ламинированные заборы прекрасны, словно японские ширмы; кадры из рекламного фильма: будущее заранее просмотрено, зафиксировано, сделано неизбежным. Макеты настолько хороши, что я почти готов убедить себя в их достоверности: сверхнатуральная панорама. Настоящие очертания Кэнери Уорф, тающие в голубом тумане, наложены на сгенерированное компьютером изображение олим-

пийского стадиона; стадион похож на замершее колечко дыма, сувенирную пепельницу из Берлина образца 1936 года. И ни на что особенно не годную конструкцию по окончании Олимпиады. Клубу Уэст Хэм стадион не нужен, ребисты из пригородов западного Лондона сюда не рвутся, максимум, кто может здесь обосноваться – скромный футбольный клуб Лейтон Ориент. В своем тщеславном стремлении сохранить ряд объектов в качестве «наследия Игр» лорд Коу настоял на том, чтобы оставить дорожки для бега, которые должны повторить маршрут трассы собачьих бегов на старом стадионе Хэрни Уик: реабилитация рынка «с колес». Кока-кола, МакДональдс, Виза, Французская энергетическая компания, Самсунг, коммерческий банк Ллойдс, Национальная лотерея, Отдел СМИ и спорта Министерства культуры, мэр Лондона – все они хотят нанести свои недешевые логотипы на этот блестящий забор. Сноси, копай, проектируй. Вместе с поддельной эмблемой для скейтбординга¹ в розовом цвете. Сотни тысяч фунтов стерлингов ушли на имитацию уличных граффити: логотип в виде современной свастики, бесформенной, как пузыри от жевачки. Эти кусочки собрали воедино для скрытой рекламы кислорода главного элемента рокового года – намек на обновленный Купол тысячелетия, который теперь так и называется: «Арена O2». Остановись они на улыбающихся толпах и идеальных проектах, все было бы отлично; весь этот «комплекс мер по обновлению» мог оказаться компьютерной игрой. Ошибкой было отмотать эту рекламную раскадровку обратно в реальность. На голубом заборе от руки написан ответ: «будь проклята олимпиада».

Достаточно следовать за вертолетами. Я поднимаюсь на шоссе A11, где толпа встречает олимпийский огонь в порыве всеобщего равнодушия. Полицейские на мотоциклах в желтых куртках заполнили обочины и растянулись в угрожающем оцеплении. Белые шлемы выделяются на голубом фоне будущих многоэтажек. Комическая процессия из полицейских на велосипедах пытаясь взбирается на холм – вынужденные глашатаи экологического лобби. Пурпурно-красный автобус Кока-Колы с открытым верхом – «Поддерживаем Олимпийские игры с 1928 года» – ждет сигнала к действию, чтобы кто-нибудь забился в экстазе. Дрожащие от холода девчужки в белых колготках и килограммами синей туши на ресницах под цвет головных повязок – рекламные танцовщицы компании Самсунг – выдают

¹ Ранее планировалось сделать соревнования по скейтбордингу частью олимпийской программы в 2012, однако попытка увенчалась неудачей.

на платформе парадный танец. Под защитой полицейских-велосипедистов девушки затевают перебранку и заигрывают с водителями машин, размахивая, как безумные, мохнатыми помпонами – последние похожи на персидских котов, выкрашенных в синюю жидкость для чистки унитазов. Но главный оттенок голубого – защитные костюмы, в которые облачены фаланги охранников Фу Манчу с каменными лицами и в бейсбольных кепках. Они выстроились для защиты священного огня по маршруту его медленного продвижения в нашу сторону из Стратфорда. Лорд Коу, находясь в плену стереотипов, характерных для романов Сэкса Ромера, называет охранителей огня «головорезами». Китайский посол настаивает, что это тихие аспиранты и добровольцы. Однако толпы лондонцев, которых так ждали, остались сидеть в пабах или дома, чтобы смотреть записи того хаоса, который сопровождал олимпийский огонь по пути его неуверенного продвижения через весь город; эти люди садились в автобусы и выходили из них, рискуя попасть под колеса велосипедистов-камикадзе. Из-за стальной скульптуры, похожей на взорванную динамитом пальму, виднеются два или три мобильных телефона, поднятые вверх в честь происходящего. Лысеющий китаец из ближайшей закусочной машет крошечным красным флажком. Бедняга Дэвид Хэмери, чемпион Олимпиады 1968 в Мехико в беге на 400 метров с препятствиями, совершенно затерялся за спинами охранников. Факел с олимпийским огнем – конус из горящих банкнот, головня, от которой будет зажжен ведьминский костер. Оперативники службы быстрого реагирования по обеспечению безопасности в местах массового скопления людей (желтый верх, черный низ, на бритых головах – каплевидные шлемы) валят на землю одинокого протестанта с флагом из организации «Свободный Тибет» у зала для игры в бинго «Гала». Камеры наблюдения зафиксировали: количество протестующих явно превысило число телевизионщиков, засевших во взрывоустойчивых грузовиках.

Несколько дней спустя я возвращаюсь в Стратфорд: железнодорожная развязка должна пройти полную инспекцию на предмет пост-олимпийского восстановления, но, похоже, благую весть местным жителям еще никто не принес. Кинотеатр «Рекс» закрыт. Главная улица обезображена монументальным искусством, на другую сторону не перейти. Штаб лейбористской партии заколочено. Но библиотека работает – здесь, под присмотром фанатиков из «Наследия Игр», выставлен макет буду-

шего Стратфорд-сити; энергичные молодые люди в костюмах набрасываются на случайных посетителей, словно мормонские проповедники: «Вам что-нибудь объяснить?» Я немедленно отшатаываюсь, в свойственной англичанам манере. Есть ли смысл спрашивать: «Как вам это сошло с рук?» Вот она, на самом деле, разгадка олимпийской тайны, того, что скрывается за дымовой завесой бодрого пиара, сайтов в интернете, демонстрационных показов, макулатурных брошюр и намеренно туманных стратегических выкладок. Стратфорд-сити должен стать «крупнейшим в Великобритании проектом по возрождению городского пространства смешанного типа с доминирующим элементом розничной торговли». Иными словами, превратиться в торговый центр с прилегающими жилыми кварталами, которые мы, для удобства, можем назвать «Олимпийская деревня». Но сердцем проекта, поглотителем пространства, станет гигантский торговый центр, разработанный и возведенный компанией Уэстфилд групп – ее контролирует третий из списка самых богатых людей Австралии, Фрэнк Лоуи. Уэстфилд групп – четвертая крупнейшая компания в мире по строительству и эксплуатации торговых центров с капиталом в 30 миллиардов фунтов стерлингов. Сделка, в результате которой компания получила контроль над участком в Стратфорде размером в 180 акров (около 72 гектаров), была заключена в последнюю минуту; за эту привилегию Уэстфилд групп заплатила 140 миллионов фунтов. Братья Дэвид и Саймон Рубены, владельцы пятидесяти процентов акций участка были вынуждены продать их в результате определенного давления. С присущим ему тактом Кен Ливингстон предложил братьям—выходцам из Индии «вернуться в Иран и попытаться счастья с аятоллами». Мэрия и прочие полуавтономные олимпийские комитеты и организации предпочитают иметь дело с объединенными монолитными образованиями. Компания Уэстфилд также приобретет торговый центр Уайт сити (островок безопасности, разделяющий районы Уэстей и Шепердз Буш); таким образом центральная часть Лондона – отжившие свой век шумные ярмарки на Оксфорд стрит – превратится в мертвую зону между новыми, перспективными центрами розничной торговли на востоке и на западе. Уэстфилд получила разрешение на строительство «многофункциональных объектов» на территории площадью более 120 гектар, при условии, что после Игр 2012 года Олимпийская деревня станет жилым массивом. По слухам, если не удастся никого убедить поселиться в этой об-

лагороженной проблемной дикой местности, точеные дома (с характерно невнятной архитектурой) превратятся в отстойники для претендентов на получение политического убежища и экономических мигрантов, где они будут находиться до тех пор, пока их не выпустят в страну, или не завернут обратно, отправив на континент на поезде через туннель под Ла Маншем. Последний расположен как раз неподалеку – очень удобно.

Главное в этой золотой лихорадке по захвату территорий с вариантами последующего использования – наследие Игр. Сюда относятся гигантские мечети, евангелические соборы-склады (Международному христианскому центру Кингсвей предложили 13,5 миллионов фунтов, тобы они съехали с площадки в 9 акров [чуть больше трех с половиной гектаров], занимаемой ими нелегально), одноразовые стадионы. Как будто больной еще не умер, а все уже читают завещание и делят наследство. «Наследие, которое оставят после себя Игры, не менее важно, чем воспоминания о спортивных событиях,» – отметил Тони Блэр. И вот оно, наследие: потери, картинки, закачиваемые прямо в глаз, и стыд на долгие годы. Мы сами дали добро на это безобразие, вступили в тайный сговор: десятки творческих работников бродят по периметру ограждений выклянчивая у Совета по искусствам деньги на финансирование своих протестов. Весь этот визуальный кошмар настолько ужасен, что мы не можем поверить в собственную удачу. Собrania, короткометражки, море цифровых фотографий с табличками «зона отчуждения», прицепленными к заборам из сетки-рабицы рядом с уведомлениями о принудительном отчуждении собственности: «Мы покупаем золото и продаем коробки. Золото из зубов умирающих отраслей, картонные коробки, чтобы хоронить убитые надежды».

В Стратфорде я встретился с профессионалами из комитета по Наследию Игр. Офис Наследия расположен в Вестминстере, рядом с Грин-парком¹. Вся эта затея с наследием – изобретение людей, которых не будет там, где произойдет то, что никогда не случится. При входе в библиотеку – бюст Кира Харди в плексигласовом ящике. первый член Парламента от Независимой лейбористской партии, избранный в Уэст Хэме 4 июля 1892 г., еще не стал жертвой забвения. Отлитый в бронзе скульптором Бенно Шотцем он занимает свое место в общем порядке вещей: пресс-папье, наследие, о котором мы предпочитаем забыть.

26 сентября 2007 года я стоял у вокзала Стратфорд – по-

¹ Один из королевских парков Вестминстера между Гайд-парком и парком Сент-Джеймс.

добно незадачливым знаменитостям, которые два часа ждали своего поезда до Купола тысячелетия в канун наступления 2000 года – в надежде увидеть Джона Хопкинса и его черный семиместный Ленд-ровер. Вместе с официальным водителем Игр Нейтаном Хопкинсом обладает титулом «Спонсор проекта. Лесопарковые зоны и общественные места» и является сотрудником «Олимпийской службы поставок» – местного Олимпстроя в качестве консультанта, координатора и экскурсовода. Приветливый, информированный человек, знаток лондонской истории. Не так давно, по его словам, он посетил публичную дискуссию между Питером Акройдом и журналистом, «похожим на Хью Гранта». Меня сопровождает Стивен Гилл – он так много раз фотографировал эти места до «прихода оккупантов», что не может упустить подобный шанс. На запыленном пространстве перед вокзалом расположились триумфальная арка с электронным таймером (он отсчитывает минуты, оставшиеся до начала олимпийского торжества), витая башенка с часами (часы сломаны), паровоз «Роберт» (прибежище многочисленных голубей, страдающих недержанием). Попрошаек, старьевщиков и проповедников согнали сюда из районов с более здоровым климатом. Через дорогу – лабиринт магазинчиков из серии «Все товары по 1 фунту». Особой популярностью пользуется сушеный телячий пенис по цене 1 фунт 99 пенсов за штуку. Подземный переход украшен компьютерными картинками ночного неба – в память о наследии поэта Джерарда Мэнли Хопкинса.

*На звезды глянь! Глянь, глянь на небеса!
Глянь огненный народец в воздухе резвится!
Сверкают сёла, быстрый блеск бойницы!*^f

Вот уж действительно «бойница». Мы проезжаем мимо центра Стратфорд-серкусⁱⁱ, похоронившего Королевский театр Джоан Литтлвудⁱⁱⁱ под россыпью пиццерий, ресторанов карибской кухни и бюджетных мультиплексов, обрамленных очередным шедевром заказного вандализма – скульптурой в виде серебристого обруча. «Ах, это выигрыш и купля. Чудеса,» – писал Хопкинс. Дэвид Макей, автор первоначального проекта для Стратфорда и ведущий архитектор Олимпийской деревни в

i Джерард Мэнли Хопкинс «Яркозвездная ночь», перевод А. Лукьянова
ii Stratford Circus – культурно-развлекательный комплекс в районе Ньюхэм. Построен на деньги Национальной лотереи в 2001 г.
iii Theater Royal Stratford East – основан в 1884 году, в пятидесятые годы двадцатого века обрел известность как экспериментальная «Театральная мастерская» под руководством Джоан Литтлвуд, в семидесятые чуть было не закрылся, но был спасен в ходе общественной кампании, в 2001 году был перестроен как часть квартала Стратфорд-серкус.

Барселоне в ужасе от того, что происходит: «Давно не видел такой дурацкой архитектуры... Наследие Олимпиады будет больше похоже на голливудские декорации города-призрака или на заброшенную выставочную площадку».

Когда оказываешься за забором, первым пропадает всякое ощущение места. Нет никакого «там», на которое можно было бы сориентироваться, только легенда: «Люди бронзового века, викинги, римляне и норманские завоеватели наслаждались местным умеренным климатом, плодородными землями и мощным течением реки... Уникальная возможность вдохнуть новую жизнь в эту долину, оставив после себя спортивные, деловые и развлекательные центры мирового уровня». Двенадцать тысяч рабочих мест; 1,2 миллиона туристов, «миллиарды телезрителей». Мы объезжаем стройку медленно, бережно огибая лужи с головастиками, археологические раскопки музея истории Лондона, участки нетронутого леса, блоки из проволоки и дробленого бетона, уложенные словно галерейные экспонаты. Гилл хотел заснять отдельные абстрактные конструкции, но не получил разрешения. По возвращении домой я получил от него письмо по электронной почте: «У меня возникло такое чувство, будто у меня отобрали мою личную землю. Чуть не заплакал, сидя там на заднем сидении – настоящий политический опыт. Каждый раз, когда наш гид заводил речь о переносе рыбы, спасении тритонов, создании среды обитания для насекомых и бабочек, я смотрел не туда, куда он показывал, а в противоположную сторону, там было куда интереснее».

Пока мы ждали у очередного КПП, Нейтан, наш «водитель на час», рассказал, что выполняет параллельно сразу несколько заданий; теперь вот заполняет для подрядчиков формы на получение налоговых льгот, дотаций на вывоз асбеста, переработку токсичных веществ и производство прессованных блоков – так они называют кучи измельченной и формованной грязи. Одно место я все-таки узнал, даже в самом оголенном варианте – это был холм, на котором раньше располагался район Клейз лейн^{iv}. Адвокат Билл Пэрри-Дэвис представляет местных жителей, которые посчитали, что работы, ведущиеся на этой территории, представляют для них угрозу. Обнаружились документальные свидетельства о том, что на стройплощадке обнаружены захоро-

---

iv В представленном на сессии Генассамблеи ООН 18 декабря 2009 года докладе Ракель Рольник о праве на достаточное жилье снос жилого массива на Клейз лейн приводится как неудачный пример «сокращения парка социального жилья».

нения радиоактивных веществ, используемых при производстве светящихся циферблатов для часов. По словам Пэрри-Дэвиса, проблемы начались, «когда подрядчики начали бурить глубокие ямы... Радиоактивные вещества становятся опасны, если их потревожить. Как только они попадают в воздух в виде пыли, тут-то все и начинается... В конце прошлого года делали забор стоков в реку Ли и нашли в воде торий. Инженеры из компании «Аткинс» предположили, что торий мог распространиться вдоль горизонта грунтовых вод к югу и юго-востоку – как раз там, где расположен жилой массив. И велодром. Торий – прочный и пластичный металл, его используют как источник атомной энергии... Когда выяснилось, что уровень содержания тория в отходах, сбрасываемых в реку Ли, не достигает опасного предела, этого оказалось достаточно для подтверждения прогноза, предоставленного инженерами. В результате, весь Олимпийский парк заражен торием на уровне грунтовых вод».

Даже если цифры подтасуют, а страшные истории – предадут забвению, непросто будет выполнить обещание Ливингстона о том, что деньги, потраченные на сооружение Олимпийского парка можно будет вернуть путем последующей продажи земли. «Они не смогут это проделать, – подтвердил Пэрри-Дэвис, – если все не почистят, а это слишком грандиозное предприятие». Перспектива мрачная, особенно для цыган, которых согнали с насиженных мест у подножия холма Клейз лейн, и для местных жителей, пытавшихся сохранить свой дом и общину. «Те, кто еще остался там, – рассказывает адвокат, – просыпаются в пять утра от шума учений, проводимых военными и полицией: антитеррористические игрища, бомбы, автоматы и вертолеты, клубы дыма. Их никто не предупредил, что так будет».

Олимпийский парк поделен на зоны, словно город, окруженный кольцом блокады. У каждого подрядчика – фирм Мёрфи, Моррисон и Наттел – свои контрольно-пропускные пункты и собственные армии. У каждого шлагбаума нам приходится расписываться на специальных бланках. Проезжаем по корытцу с голубой дезинфицирующей жидкостью. Джон Хопкинс продолжает шевелить седыми усами, не умолкая ни на секунду. Концепция работает, создаются новые рабочие места, посмотрите вон на тех польских женщин – упаковщиц рыбы, цех перевели в другое место, теперь они наслаждаются ланчем на природе. На следующий день я вижу Хопкинса по телевизору в местных новостях, как он сидит в лодке и слово в слово повторяет свой текст

очередным клиентам. Повторяй слова достаточно часто, и они станут реальностью. Все эти пресс-секретари отлично болтают на отвлеченные темы, выдавая тексты, на которые и возразить-то нечего, но как только начинаются неудобные вопросы, в их речи возникают короткие паузы – звук перестает совпадать с изображением, как будто корреспондент в бронежилете пытается вести репортаж из пустыни по видеофону.

Для умиротворения арендаторов обреченных участков в Мэнор гарден Агентство по развитию предпринимательства при лондонской мэрии (LDA) прислало Гарета Блэкера – бледного ирландца в черном костюме с типичными скорбно-вкрадчивыми интонациями. Укрытый от дождя гигантским зонтиком, он стоял и смотрел на свои тщательно отполированные ботинки, пока его консультант по связям с общественностью маячил где-то на заднем плане. Блэкер отвечал на вопросы невпопад – казалось, он реагирует на вопрос, заданный минуту назад. Мэнор гарден – настоящий оазис, отвечающий любым возможным параметрам «возрождения», оказался на пути голубого забора. «Это часть Олимпийского парка и наследия Олимпийского парка. Перенос участков носит временный характер. После Игр мы хотим вернуть участки. Все будет на своих местах. Появится только много бетона». Зачем тогда переносить? «Как можно вернуть то, что будет разрушено?» – спросил я. Блэкер признал, что все сводится к безопасности. И ничего больше. «Высочайший уровень безопасности на стройплощадке. Надолго. Такого количества служб безопасности страна еще не видела». Вот и весь разговор. Садовые постройки снесут, а на их месте возведут голубой забор. Часть садоводов перебазируется в Лейтон, где начнет все сначала; остальные падают духом, вянут и съеживаются, подобно урожаю, которого этим летом уже не будет.

Аляповатый голубой забор с металлическим отливом не виден ни на одной из компьютерных картинок с изображениями будущего Олимпийского парка. Предпочтение отдается перспективе с юга на север, вдоль зоны Кенери Уорф, по набережной Темзы к Куполу тысячелетия. Территория «возрожденного наследия» по виду напоминает аэропорт с одним характерным отличием: здесь нет колючей проволоки, ограждений, шлагбаумов между выставочной территорией и сетью дорог и рек. В реальности все сводится к забору: забор есть сумма наших представлений о неприкосновенной грязи. Сюда стоит прийти рано утром, с первыми лучами солнца, и не будет видно ни уродливых

реклам, ни лозунгов, только скользкая голубая лента, словно дезинфицирующее средство струится вниз по желобкам канавок с серебристой мочой. Маляры день за днем совершают свой бесконечный обход забора по всему периметру, устраняя повреждения и закрашивая протестные надписи. Остатки липкой голубой краски живописными мазками капают на дёрн: фанерные поверхности не высыхают до конца, едва уловимые различия оттенков и текстуры превращают их в свободно парящие на плоскости квадраты в духе Франца Клайнаⁱ.

Однако главные художественные произведения создаются в галереях оппозиции – по другую сторону забора, на гигантских щитах, которые не видно с основного шоссе. Двух таких художников стоит отметить особо – два белых парня, выходцы из складских сквотов в Хэгни Уик, затеяли проект по переосмыслению топографии. Миля за милей они покрывают пространство двухголовыми крокодилами, черепами с растянутыми в ухмылке розовыми деснамиⁱⁱ, ацтекские змеи, сжатые кулаки с картин Филипа Гастонаⁱⁱⁱ. Хулиганские образы с использованием водоэмульсионки в промышленных масштабах. Железнодорожные мосты, обреченные на снос фабрики – здесь были Сладкоежка и Циклоп. Челюсти из комнаты смеха пожирают руины застройки; тоска заброшенного вместилища черной пропаганды. Выставка за щитами по Чэпмен роуд в районе Хэгни Уик стоит того, чтобы приехать с другого конца Лондона. Холмы из мусора, кучи кирпичей, разбитые контейнеры – все это становится частью динамичного выставочного пространства. Отдельные панели превращаются в единый комикс, полный силы и энергии, подобно лучшим работам Роберта Крамба^{iv}. Эйфория и выразительность. Одноглазые чудища на стенах паба Лорд Нэпиер^v растекаются под напором кислотной атаки, но они полны жизни, шумят, гордятся собственной уникальностью. Идеальное лекарство от подавляющих психику препаратов в виде голубого забора.

Приближение Олимпиады вприснуло такую дозу стероидов в планы по «возрождению территорий», что пограничные

i Franz Kline (1910-1962), американский художник, представитель абстрактного экспрессионизма

ii Выглядит это примерно так: http://www.artofthestate.co.uk/graffiti/sickboy_cyclops_sweet_toof.htm – работы уличных граффитистов по прозвищу Сладкоежка и Циклоп (Sweet Toof and Cyclops).

iii Philip Guston (1913-1980), еще один представитель нью-йоркской школы абстрактного экспрессионизма.

iv Robert Crumb (р. 1943) – выдающийся американский иллюстратор и автор комиксов-романов.

v <http://www.deadpubs.co.uk/LondonPubs/Bow/LordNa4.jpg>

зоны, где раньше могли селиться обнищавшие художники и те, кто просто живет в собственное удовольствие, теперь вынуждены извлекать прибыль из каждой кучи мусора, каждой развалюхи, которая прежде оставалась незамеченной и никому не была нужна. Чтобы обеспечить нужное для статистики количество жилья, требуется выселить тех, кто уже сумел позаботиться о себе. Проходя по каналу Риджент от парка Виктория утром 8 мая 2008 года, я стал свидетелем очередного выселения. Человек тридцать полицейских с фургонами. Судебные приставы, нанятые громилы. Местные чиновники в темных костюмах воздевают к небу папки с документами. Приставы барабанят в дверь, трещат петли, наконец, дверь выломана. Велосипедист, проезжавший мимо, вдоль канала, возмущен: «Сколько этот дом пустой стоял? Двадцать лет? Сквоттеры все прибрали, собирались открыть здесь районный культурный центр». Дом с бочкообразным фасадом, заросшим сорняками и плющом, расположился между автобусным парком Эмпресс и газгольдерами. Нечто, существующее на краю сознания для любого, кто здесь проходил. Пару лет назад я заметил наклейку «Поддержим олимпийскую заявку» на затянутом паутиной окне. Недавние сквоттеры, заполнившие фургон мусором, возродили этот призрак, используя изображения тибетских богов и молитвенные свитки вместо жалюзи.

По пути домой из Стратфорда, где я выяснил, что большая часть Олимпийского парка обречена стать гигантским муравейником в виде торгового центра, я брел по тому, что осталось от Ракхолт роуд и Иствей. Рабочие демонтировали голубой забор. Доски вырубали и сваливали на опилки вокруг пня, оставшегося от рябины, которую угораздило вырасти в неправильном месте. Голубые бинты сделали свое дело – я уже начал по ним скучать. На смену голубой фанере пришли твердые панели с изображениями виртуальной реальности: лучники, пловцы, ликующие толпы. Цифровые фотографии с высоким разрешением и этически небезупречное позерство. Указатели для пешеходов совершенно нечитабельны, стрелки направлены в сторону сетчатых заборов и автомагистралей. Я пытаюсь перейти через мост на Квотер майл лейн, но вскоре оказываюсь в плену контрольно-пропускных пунктов. Им недоступна идея пешеходных прогулок без особой цели. «Вам нужна работа?» Прямо мороз по коже – сейчас я стану примером явной дискриминации, для местных стариков пенсионного возраста зарезервированы вакансии. «Видите вон тот фургон? Идите туда, они вас возьмут». Звучит соблаз-

нительно. Почему бы не вернуться в те времена, когда я приехал сюда на велосипеде, чтобы наносить разметку на двух сотнях футбольных площадок? Или еще раньше – в пакгаузы с буколическим названием Чобэм фарм, которые располагались в Стратфорде, рядом с железнодорожным депо, далеко вглубь территории, ныне огороженной олимпийским забором. Тогда здесь пытались обойти трудовое законодательство и вместо докеров нанимали случайных рабочих разгружать контейнеры, вонявшие бараньими кишками, или разбивать на мелкие кусочки стиральные машины, «поврежденные при перевозке». Через столько лет мне, наконец, предложили постоянную работу: я мог поучаствовать в демонтаже голубого забора.

В золотистых сумерках, по возвращении в парк Виктория, меня остановил встревоженный близорукий китаец. «Простите, сэр». Его окружали пять женщин разного возраста – от дочери до бабушки. Компания что-то или кого-то потеряла, а неторопливая походка и почтенная наружность выдали во мне завсегдатая. «Невысокий такой, маленький. Совсем без зубов. Не совсем в своем уме, простоватый. Очень-очень маленького роста». Его дважды видел человек с собакой в прошлый четверг. С того дня – ни слуху, ни духу. Маленький простодушный человечек испарился. У него был с собой зонтик. Я не решаюсь спросить, китаец ли он. «По английски говорит?» «Совсем не говорит». Похоже, его увлекла за собой толпа, шум, народные гулянья. Бесплатный концерт «За музыку – против расизма». Он ушел в толпу, и больше никто его не видел. Родственники огорчены моим ответом, но вежливо благодарят и отправляются дальше, на восток, в сторону Хэрни Уик, туда, где все исчезает или подвергается изменениям.